

Чу Яньбай разглядывал в зеркале свой тщательно продуманный образ и мысленно повторял вокальные партии, которые с каждой тренировкой звучали всё увереннее. На юноше был сшитый на заказ сценический костюм: серебристо-серую ткань украшали россыпи мелких страз, мягко мерцающих в теплом свете гримерной. Стилист потратил полчаса, чтобы придать кончикам волос идеальный изгиб, а крошечные жемчужные пусеты в ушах безупречно подчеркивали изящную линию шеи. Он тихонько напел припев: дыхание ровное, переходы плавные, а в голове отчетливо всплывал каждый такт хореографии. К этому выступлению он готовился три месяца: от выбора композиции до постановки танца — каждая деталь была отточена до совершенства, даже направление взгляда во время перемещений по сцене он отрабатывал перед зеркалом сотни раз. Но почему-то в глубине души зародилось смутное беспокойство. Оно обвивалось вокруг сердца, словно лианы, мешая дышать полной грудью. Чу Яньбай подошел к окну. Небо за окном темнело, закат окрашивал облака в оранжево-красные тона, и на улицах одна за другой загорались фонари. Он молча думал: неужели завтрашнее мероприятие пройдет не так гладко, как хотелось бы?

За день до события Чу Яньбай приехал на площадку на два часа раньше назначенного времени. Внутри было светло, как днем: подъемная платформа в центре сцены еще была накрыта защитной тканью, а на боковых светодиодных экранах транслировались тестовые изображения, отбрасывая блики на стальные конструкции пола. Работники сновали туда-сюда с тележками, наполненными оборудованием. Гул голосов, лязг металла и команды из раций сливались в деловой шум. Команда дизайнеров сцены, склонившись над чертежами, то и дело указывала на световые фермы под потолком. Костюмеры с аккуратно сложенной запасной одеждой спешили в гримерки за кулисами. Чу Яньбай глубоко вдохнул: в воздухе чувствовался тонкий аромат чистящих средств и металлический запах электроники. Он разгладил на костюме несуществующие складки и поднялся на сцену. Деревянный пол тихо отозвался под его ногами, а свет прожекторов окутал его, став почти обжигающе теплым.

— Чу, микрофон настроен, можем начинать в любой момент, — раздался голос звукорежиссера со стороны пульта.

Чу Яньбай поднял руку, показывая знак окей, и в наушниках услышал собственное четкое дыхание.

Сначала все шло как по маслу. Зазвучало вступление, и Чу Яньбай точно выполнил первый танцевальный па, серебряный браслет на щиколотке едва слышно звякнул. Его голос, чистый и наполненный нужным напряжением, лился из микрофона. Каждый переход был выверен до миллисекунды, а движения тела напоминали течение воды: изгиб пальцев при взмахе, угол наклона подола при повороте, слаженность с подтанцовкой — всё было в точности так, как на тысячах репетиций. Исполнительный режиссер в зале, не отрываясь от планшета, кивал, и на его губах играла довольная улыбка. Танцоры подтанцовки, заразившись состоянием солиста, двигались еще более свободно и мощно.

Однако, когда он приступил к сложной связке — прыжку с последующим вращением, на котором он трижды падал в зале, прежде чем поймал баланс, — тело внезапно пронзило странное ощущение. Раскаленный поток воздуха рванул вверх от основания позвоночника, словно подожженный фитиль, и мгновенно разлился по венам, достигая самых кончиков пальцев. Его феромоны вышли из-под контроля. В привычный стабильный запах кедра внезапно вплелась хаотичная сладость — словно мед, просочившийся сквозь снег, — несущая с

собой тревожную, лихорадочную возбужденность.

Чу Яньбай вздрогнул. Вращение сбилось на полтакта, и при приземлении он чуть не потерял равновесие. Он сразу понял: дело плохо. Будучи омегой, он всегда отличался стабильностью феромонов, и даже при экстремальных нагрузках такого никогда не случалось. Он прикусил губу, пытаясь сосредоточиться и применить технику дыхания, которой научил менеджер: вдох на четыре секунды, задержка на две, выдох на шесть. Но этот жар, словно взбесившийся конь, метался внутри него. Запах кедра становился всё гуще, в нем появилась мелкая дрожь, и он начал распространяться в сторону персонала.

На лбу мгновенно выступили капельки пота, они скатывались по вискам и падали на сцену. Плавные движения стали скованными, руки при подъеме слегка подрагивали, а пальцы, сжимавшие микрофон, побелели. Он чувствовал, как феромоны наполняют воздух — это было похоже на полную незащищенность, словно он сорвал с себя все покровы и выставил напоказ свою самую уязвимую сторону.

Окружающие быстро заметили неладное. Техник, настраивавший свет, замер, его пальцы зависли над кнопками, он в недоумении поднял взгляд на сцену. Звукорежиссер выглянул из-за пульта, нахмурившись и уставившись на слегка дрожащие плечи Чу Яньбая. Даже исполнительный режиссер отложил планшет и встал, в его глазах читались любопытство и беспокойство. Эти взгляды давили на плечи Чу Яньбая невидимым грузом, заставляя нервничать еще сильнее. Больше всего на свете он боялся показать свою омежью слабость, особенно на такой важной репетиции.

Сердце колотилось в бешеном ритме, стук отдавался в ушах, заглушая музыку в наушниках. Напряжение послужило катализатором, еще сильнее стимулируя выброс феромонов. Сладость в кедровом аромате становилась всё отчетливее, в ней сквозила опасность полной потери контроля. Ему казалось, что он находится в эпицентре шторма, вокруг свирепствуют потоки воздуха, а плотина его воли вот-вот рухнет. В голове невольно всплывали картины завтрашнего дня: зал, полный зрителей и журналистов, объективы камер, направленные на него, тысячи глаз, прикованных к нему... Если подобное случится завтра, последствия будут катастрофическими.

— Чу, с вами всё в порядке? — один из помощников режиссера не выдержал и поднялся на сцену. Он ступал очень тихо, в голосе слышалось искреннее беспокойство. В руках у него была бутылка воды, он хотел протянуть ее артисту, но, почувствовав в воздухе хаотичный запах феромонов, замялся. Будучи бетой, он не мог распознать эмоции, но ощущал общую нестабильность атмосферы.

Чу Яньбай выдавил из себя слабую улыбку, голос его дрожал, но он продолжал держаться:

— Всё хорошо, просто, наверное, слишком резко дернулся, устал немного.

Он вытер пот со лба и, коснувшись кожи, понял, что она пугающе горячая. Он прекрасно понимал: дело не в усталости. От усталости бывает одышка, но не такой неконтролируемый

выброс феромонов.

Время шло, а волны феромонов не утихали. Ноги Чу Яньбая стали ватными, словно он ступал по мягкой вате, каждый шаг давался с трудом. Ему пришлось прекратить выступление и опереться на перила края сцены. Прохладный металл немного притупил внутренний жар, но не унял охватившую его панику. Персонал засуетился вокруг: кто-то протягивал воду, кто-то полотенце, со всех сторон доносились обеспокоенные вопросы:

— Может, отдохнете?

— У вас не упал сахар?

— Вызвать врача?

Чу Яньбай покачал головой, сжав губы в бледную линию. У него почти не осталось сил отвечать. Все его мысли были заняты завтрашним мероприятием, этот груз давил на грудь, не давая вздохнуть. Это был его первый крупный выход на сцену после возвращения: там будут и мэтры индустрии, и режиссеры, и бесчисленные фанаты, которые ждут его. Он не мог все испортить. Ни в коем случае.

Он лихорадочно размышлял: почему феромоны вдруг вышли из-под контроля? Неужели это гормональный сбой из-за стресса и бессонных ночей над планами? Или аллергическая реакция на некачественную ткань нового костюма, который он вчера примерял? А может... кто-то что-то подстроил? Догадки сменяли одна другую, но ни одна не давала ответа. Сейчас было не до раздумий, нужно найти решение. Срочно связаться с врачом и подобрать блокаторы? Или прекратить репетицию и вернуться в отель? Если он остановится сейчас, не сорвет ли это график всей команды? Десятки вопросов переплетались в голове, вызывая острую боль.

Неожиданный выброс феромонов поставил Чу Яньбая в крайне затруднительное положение. Сможет ли он прийти в норму до начала мероприятия и успешно завершить свое выступление?

<http://bllate.org/book/18643/1795671>